

Halina Koval – filologijos mokslų daktarė, Ukrainos nacionalinės mokslų akademijos Liaudies kultūros instituto mokslo darbuotoja (Lvovas, Ukraina).

El. paštas: galyna.kov@gmail.com

Halyna Koval: candidate of Philological Sciences (PhD), researcher of the Institute of Ethnography, National Academy of Sciences of Ukraine (Lviv, Ukraine).

E-mail: galyna.kov@gmail.com

Галина Коваль

Ukrainos nacionalinė mokslų akademija

Національна академія наук України

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТРАДИЦИИ КАК ИСТОЧНИКА КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Anotacija

Straipsnyje apžvelgiama kalendorinių apeigų tradicija ir jos kaita nuo magiškos iki poetinės, estetiškos. Pristatytas dominuojantis lygis – sugestyvus, virtęs formule: trokšamas – realus. Dėmesys sutelktas į kalendorinę atmintį, esminius jos veiksnius, dėl kurių ji ir perduodama. Akcentuojamas apeigų pasikartojimas, variacijos ir verbalinė raiška.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: tradicija, magiškas, poetinis, estetiškas, kalendorinis-apeiginis tekstas, tautosakinė atmintis.

Abstract

In the article is surveyed the calendar-ritual tradition and its change from the magical beginning to poetic, aesthetic one. It is presented dominant level – suggestive, seen in the formula desirable – real. The focus is on a calendar memory, its main factors by which it is relayed. The emphasis is on repetition, variation of traditional actions and verbal expression.

KEY WORDS: tradition, magical, poetic, aesthetical, calendar-ritual text, folk memory.

doi:<http://dx.doi.org/10.15181/rh.v22i0.1621>

Доминантным в календарно-обрядовой традиции является суггестивное восприятие действительности, которое воспроизводится с помощью различных обрядовых, вербальных средств, обладающих чудодейственной, волшебной силой. Современный человек уже не осознает в полной мере всей значимости ритуальных движений, мотивов и образов, ведь постепенно нивелировалось их первоначальное значение. Древние обряды, писал М. Грушевский, потеряли свое культовое или магическое значение (Грушевский 1993, 172). «То, что понимали когда-то давно, – отметил Ф. Колесса, – впоследствии потеряв основу в веровании, набирает метафорического значения, становится поэтическим образом, символом, поэтической формулой» (Колесса 1983, 77–78). В течение длительного времени уменьшалась суггестивная информационная нагрузка. Календарные обряды, как и ритуально-магические действия, менялись, становились театрализованными, более эстетизированы, а словесные формулы формировали фонд фольклорных клише.

Проблемой целостного «прочтения» текста стала оторванность вербального от акционального. Об этом говорил еще В. Петров, считая методологической ошибкой собирателей-фольклористов, записывающих словесные тексты без всякого внимания к сопроводительным действиям, вырывая текст с этнографического описания (Петров 1948, 4). Фольклор не только воспроизводит определенные моменты обрядов: объясняя, дополняя, поэтизируя их, но и обнаруживает собственные значения, которые у них совершенно отсутствуют, не могут быть воспроизведены или утраченные традиции. Фольклорная традиция – это единство материала, владение им и менталитетом среды (Путилов 1994, 40). Бытует мнение, что «каждый раз, когда в фольклорном феномене удастся найти древний мотив или образ, возникает соблазн найти его истоки в ритуале» (Петров 1948, 193). Собственно, такой подход к календарной поэзии, который помогает глубинному изучению текста на всех уровнях, должен стать полноценным. Именно ритуал следует считать основным маркером для обрядовой поэзии, поскольку он – коммуникативный компонент участников определенного целенаправленного действия отдельного коллектива. Это своего рода комплекс всех знаковых систем – языка словесного, языка жестов, мимики, пантомимы, хореографии, пения, музыки.

То, что традиция связывает современное с прошлым, определяет главные направления, в рамках которых идет дальнейшее ее развитие. Это не застывшая раз и навсегда данность, она динамична и имеет способность меняться настолько, насколько меняется быт народа (Мишанич 1983, 34), ведь выступает надежным механизмом аккумуляции, передачи (трансмиссии) и актуализации (реализации) человеческого опыта (Чистов 1986, 108). Такие факторы доминантны для календарной традиции, ибо основным ее стержнем является дублирование (из года в год) обрядовых текстов и отражение в связи с этим определенных ритуальных действий. Вырисовывается такая схема: обрядовый текст воспроизводится – воспринимается – запоминается – снова воспроизводится. Для народной памяти важным выступает не один коммуникативный акт, а целая цепь. Это непосредственно касается обрядовой памяти, поскольку она пополняется вербальными и невербальными элементами: песня сопровождается обрядом или наоборот.

В календарной традиции память играет важную роль. Психологи отмечают, что запоминание собственных действий или присутствия в обряде, происходит благодаря моторной памяти. Запоминания текста лицом, которое только взяло информацию от носителя традиции, подчиняется другим закономерностям. Здесь уже другая мера эмоциональной реакции. Существенным является то, что именно эмоции играют важную роль, которая определяет работу памяти. Бытует мнение, что дольше помнятся эмоционально-возбужденные события. То, что память зависит от эмоций, определяется многими внешними условиями, в которых проходит жизнь субъекта (Плисецкий 1957, 55). Если события касаются широких масс, остаются в памяти коллектива, тогда возникают положительные эстетические впечатления и теряется шанс их исчезновения.

Суть фольклорной памяти заключается в сохранении менталитета своего народа. Украинцы – издавна земледельцы, это их основное занятие. Именно с этим связывается мировоззрение этноса, обязательно фиксируется в народной памяти как некая образная система, лучится с природными условиями, образом его жизни, основным занятием. Конечно, не все предметы, окружающие человека, вызвали поэтические ассоциации, но по многим закрепилось определенное

эмоциональное поле. В фольклорной памяти они оживают, внушают положительные ощущения. Важны отражающие механизмы трансмиссии, связанные с особенностями человеческой памяти (Ивановська 2012, 270). Очень часто текст закрепляется в форме, которая «не прочитывается» с позиций современности. Это различного рода ритуально-магические действия, игры, танцы. По нашему мнению, такое декодирование возможно только в тех регионах, где эта традиция передается и семантически осмысленная. Скажем, ритуальный танец «кочан», который выполняется в финальной части колядования на Бойкивщине, имеет четкую символическую нагрузку – вегетативную. Обращает на себя внимание обязательность последовательности его выполнения (после ритуального пения), типа движений (в кругу, по солнцу), сопровождение вербальными восклицательными формами: «На капусту!». Ритмическое выполнение движений, как справедливо заметил Ф. Колесса, доведено до сознания, становится также источником эстетического удовольствия (Колесса 1970, 45). В любой игре движения сами себя дисциплинируют и упорядочивают. Элементы ритма четко проявляются в древних формах весенних хороводов. Именно они, по наблюдениям М. Грушевского, могли попасть и в величальные обряды – новогодние, пасхальные или иные (Грушевський 1993, 128). Стоит отметить, что в первоначальном обрядовом действии приоритет принадлежал не вербальному тексту, а движению, танцу, которые имели особое, ритуальное значение. Магическая направленность танца-хоровода четко изображена в одной из веснянок: «Де хоровод ходить, там жито родить; а де не буває, там полягає» (Агапкина 2002, 438); «Ідіть, дівки, на пагорбки танок водити, То буде щедро, буде хліб Земля родити (Обрядові пісні... 2005, 153). Считалось, что именно от традиционных ритуальных танцев зависел хороший будущий урожай. Эта тенденция прослеживается и в других славянских народов. Так, поляки верили, что если у хозяйки плохо сошли конопля, то она «не гуляла» или «плохо гуляла» на масленицу, а чехи говорили: «Не будеш танцевать, не вродится репа» (Агапкина 2002, 170).

Психологи доказывают, что репродуцирование является ничем иным, как отражением зрительных образов, в основном зрелищных. В памяти чаще и отчетливее воспроизводятся образы единичных пред-

метов или явлений, а не тех, что встречаются на каждом шагу. Поведение человека, как подчеркнул А. Байбурин, вариативное и многогранное, однако оно может быть и обычное, подчиненное нормам, производимым в обществе. Важным условием существования любого общества является наличие коллективной памяти. Повторение возвращает забытое, не приносит нового знания, но хранит то, что есть, воспроизводит и непрерывно «добывает» разрушенное. Повторное переживание знакомых, эмоционально насыщенных ситуаций оказывается необходимым средством регуляции психологического настроения. Потребность снова и снова пережить тот эмоциональный подъем, который связывают с эффектом узнавания (Байбурин 1993, 12).

Все то, что выполнялось предыдущими поколениями, и передавалось следующим, воспринималось как необходимое, а затем, как прекрасное. Не случайно участники календарных обрядов, те же носители традиции, так часто подчеркивают, что это (колядование, или обряд Куста и т. д.) веселый, самый красивый, самый большой праздник, а выполнение и слушание песен, проведение определенных зрелищ положительно влияло на окружающих. Ощущение праздника у людей проявляется как раз в том, что здесь невозможно уединение. Праздничные обряды отмечаются всеобщим торжественным собранием и духовным единением. Недаром второй день Рождественских праздников в Украине называют «Святом Сбору». Однако стоит отметить, что такие «Сборы» можно проследить во время Пасхальных, Зеленосвятских, обжиночных праздников (видимо, поэтому в одной из царинных песен упоминается, что «сбором ідемо ...»). На праздник Купала приходили всей деревней. Отсутствие кого-либо оценивалось как игнорирование интересами коллектива. Здесь выражена идея «плодородия» заложена в традицию обязательности присутствия на празднике Купала лиц женского пола – девушек и молодых женщин (Климець 1990, 31–32). Если же принять во внимание повторяемость и тождество таких обходов (особенно Рождественских в каждой украинской семье, в каждом селе, то, по словам К. Сосенка, «бачиться в нім імпонуючий вираз згідних почувань і настроїв усієї України; бо однодушне переведення ідеї любови і об'єднання в кожній рідні на просторах усієї України робить ці ідеї й кличі всенародними» (Сосенко 1994, 175).

Каждый праздник украинцы пытаются отметить величественно, на духовной возвышенности, чувствуя себя продолжателями традиции. При этом, как и при всяком действии, во время календарных обрядов придерживаются определенной системы условностей. Общение между людьми и освоение культуры прошлого делают эту систему общечеловеческой. Речь идет не просто о совместном присутствии, а о намерении, объединяющем всех и препятствии распада человеческого единения на отдельные, частные сегменты. Все участники определенного обряда, как отметил Ф. Колесса, выступают одновременно в роли актеров и зрителей (Колесса 1970, 46). Особенно это чувствуется в архаических обрядодействиях. Очевидно, истоки явлений театрализации надо искать в культуре древних славянских народов, праздники которых в честь богов сопровождались разнообразными игрищами, процессиями, танцами под пение и музыку. Такие явления сохранились в народных обрядах колядования, вертепа, «Козы», «Маланки», «Куста», купальских, русальных и др.

Традиция проведения обряда, систематического выполнения календарных песен всегда требует участия субъектов календарного действия; все это коммуникативное действие, причем не такая уж большая разница между тем, кто участвует, и тем, кто наблюдает. Зритель не просто наблюдатель. Как участник – составная часть самой традиции. При тех или иных ритуальных действиях можно проследить наличие важнейших традиционных признаков драмы: стойкую сюжетно-композиционную структуру репертуара, диалоги, массовые действия, распределение функций (ролей) в группах исполнителей, соблюдение определенного сценария, наличие игровых эпизодов. Обряды колядования, весеннего волочения, риндзювания, вождения Куста, Купала, Русалии наполнены признаками театральности и имеют, самое главное, календарное прикрепление. Кроме того, обрядовые действия требуют, чтобы в них принимали участие. Зритель, наблюдающий за зрелищем, не может остаться равнодушным, поэтому при увиденном возникают определенные эстетические чувства. Они, эстетические чувства, являются психологической способностью человека воспринимать предметы и явления объективного мира с точки зрения красоты.

Особенностью календарной традиции является то, что она существует для тех, кто принимает в ней участие, ведь понятие прекрасного включает в себя и публичность, и наличие авторитета. Значительным уважением издавна в Украине во время обхода с колядой – главный «счиernalник» рождественских песен пользовался «береза». Им мог быть только тот, кто знал больше народных колядок, умел вести церемонию согласно старинным требованиям. По этому поводу П. Шекерик-Доников заметил, что желающих исполнять эту роль достаточно, потому что каждый хотел бы «перед вести», поскольку это большая честь. Такой «береза», что знал больше разных колядок, поздравлений, умел поблагодарить хозяев, а когда надо и развеселить публику, при выборе на Рождество имел большую популярность (Шекерик-Доників 1914, XXV). «Береза» в колядников, главный «виншувальник» или проводник риндзювальников, кустянок, наконец главная жница при обжинках должны были произнести пожелания возвышенно, торжественно, что первоначально имело магическое значение, а с сегодняшней точки зрения это воспринимается эстетически совершенной речью. Одна из участниц обходов с Кустом подчеркнула, что «надо было приказать, отказать Кусту весело» (Наукові архівні фонди... 1987, 8). От того, как произнести пожелания, зависело благосостояние хозяина. На это указывали также сами исполнители обряда: «На Куст было обычаем составлять пожелания, чтобы был достаток в хозяйствах, доме, на поле. Как выходить из дома, то надо было что-то желать: Чтобы Вам лошади водились, овечка плодились. Будьте с этим кустом здоровы! Можно было и так говорить: Рожь Вам в поле, Хлеба на столе, Будьте Вы с кустом здоровы!» (с. Сварицевичи) (Наукові архівні фонди... 1987, 21). Такая характерная форма, соответствующая праздничности, считается торжественной речью. Она четко прослеживается во время поздравления в Рождественских обходах, риндзювании, вождении Куста и т. п.

Зрелищный характер имели обряды колядования, щедрование, хождение с козой, с Маланкой. Церемониальный обход Козы вместе с музыкантами и певцами начинался вечером («как солнце заходит», «как стемнеет») и имел подчеркнуто демонстративный характер: дорогой «Коза» громко бляяла и звонила звонком, «дед» громко щелкал кнутом, музыканты играли, колядники запевали, словом и делом за-

являли о себе другие маски (Курочкин 1978, 51). Появление ряженных, которые приносили с собой традиционные пожелания счастья и радостное настроение, ассоциировались с самым праздником, а потому их встречали как желанных гостей. Наблюдается особый интерес со стороны зрителей: «Когда Коза выйдет из одного дома, то люди перебегают перед ней в соседний дом, чтобы и там еще увидеть и услышать» (Заглада 1929, 279).

Важную роль играет визуальная красота, которую можно было наблюдать во время обхода полей на Троицу: особую картину составляли участники обрядов, празднично одетые, с венками из барвинка (молодежь), украшенные полевыми цветами. С песнями обходили дворы кустянки, что вызывало положительное визуальное восприятие: все девушки были одеты в праздничную одежду: белые вышиванки, льняные рубашки, полотняные домотканые юбки, подвязанные красной кромкой (чаще всего) или поясом, все надевали венки на голову, а для Куста – несколько, чтобы не узнали (Наукові архівні фонди... 1987, 20). При этом использовалась широкая гамма цветов (зрительные образы): плели веночки из живых красных, желтых, синих, белых полевых и лесных цветов. В с. Заречном (Ривненская область), например, одевали девушку в белое платье, венками с головы до пояса (Наукові архівні фонди... 1987, 3). Во время обжинок жницы возвращались домой тоже с песнями. Казалось, отметил С. Килимник, что нива поет, поет пахучая рожь. Поет земля и воздух. Шумно, весело и шумно. Ожили села и нивы, ожил воздух (Килимник 1994, 499). Аналогичным было вождения русалки. Зрелищным на Волыни было вынесение за село Купала, ольховой ветви, одетой цветами. Все это сопровождалось песнями и криками, потому что во время Купала должны были выйти из села все ведьмы.

Итак, календарные обряды и сопровождающие песни производили положительное эмоциональное настроение на окружающих. Важную роль при этом играли зрительные образы – праздничный наряд (вышиванки в кустянок, яркая одежда в колядников, различные маски участников той или иной группы и т. д.). Пение, музыка, шумовые эффекты, ритмы танца – такие художественные знаки, обращенные к слуху, способны переносить информацию на большие расстояния и надолго оставаться в памяти.

В большинстве обрядов была музыка органическим фактором синкретизма. При календарных обходах, согласно народным обычаям и обрядам, независимо от времени возникновения, адаптации, эволюции сформировалась на определенном историческом отрезке и стабильная традиция применения тех или иных музыкальных инструментов. К сожалению, в последние десятилетия, по наблюдению современного исследователя Л. Кушлика, эта выдерживаемая на протяжении веков практика нарушается. Музыкальную канву театральных форм народного творчества все больше представляют не освященные традицией инструменты, а часто просто-таки случайные, нехарактерные. Этим же, по мнению того же ученого, нарушается свойственная вообще для украинской традиции стабильность соблюдения тех или иных элементов в системе фольклора, их преемственность, ведь функция конкретных музыкальных инструментов тесно связывалась и обуславливалась спецификой и содержанием народной этики и эстетики (Кушлик 2001, 87). По сравнению с другими регионами значительно лучше сохранилась традиция по применению определенного типа инструментов на Гуцульщине и Бойковщине, имеется в виду прежде всего колядования. Обрядовая группа приглашает в свои отряды прежде всего скрипача, иногда цимбалиста, изредка басиста и бубниста. Интересно, что еще в начале XIX в. М. Зубрицкий отметил такое о музыке на Бойковщине «Давнийше ходили с музыкой, один играл на скрипке, другой басував» (играл на бас), но со временем музыку пренебрегли» (Зубрицкий 1900, 57). Однако современные обследования утверждают, что в основном колядничьи обходы в Карпатах сопровождаются музыкой, которая одновременно с песней влияет на чувства, формирует эстетические вкусы и идеалы, развивает способность чувствовать прекрасное. Сегодня действия календарных обрядов рассчитаны на положительные эмоции, которые вызывают восхищение, радость от увиденного. Поэтому в каждой семье с большой торжественностью, с соответствующим церемониалом встречают и приобщаются к обрядовым группам.

Эстетическое соотносится в какой-то степени с категорией возвышенности, также осчастлиливает человека, обогащает его интеллект и эмоции, способствует глубокому переживанию явлений окружающей действительности. Восприятие эстетического через возвышен-

ное обусловлено спецификой последнего, которое имеет отношение к широкой сфере явлений действительности, и может характеризовать специфические особенности этих явлений, которые принадлежат к сфере природы, общества и искусства. Оно выражает эмоциональное воздействие на личность, на ее психику и чувства. Конечно, категория возвышенного включает в себя большой потенциал общественно-исторического значения. Традиционные календарные обряды в совокупности с процессом выполнения соответствующих песен способствуют объединению народа, формированию национального сознания, прививают уважение к родной истории и культуре, формируя прочную традицию.

Особенно ярко выражен ритуально-магический аспект в аграрном комплексе, который является доминирующим в календарно-обрядовой традиции. Для человека важным видом хозяйственной деятельности было земледелие, которое оставило свой отпечаток в быту, мировоззрении, поэзии. Современный украинец воспринимает все это как символический маркер воспроизведения земледельческой деятельности: пахоты, сева, прорастания растений, сбора урожая. Ритуализировано представлен в колядках труд земледельца в поле от вспашки «золотым плужком» к сбору «золотого урожая» (цветосимволический образ). В календарных песнях труд рассматривается как торжественное и ответственное дело, как обрядовое действо, от которого зависит будущее – благосостояние, счастье. Так, например, ритуальная вспашка – это по сути магическое действие, символически изображает вспашку, цель которой – повлиять на плодovitость земли. В ряде местностей Украины, когда водили Маланку, парни вносили в дом плуг держась за ручки плуга имитировали, что пахут ниву и сеют зерно. При этом они пели: «Гей! Гей! Ци спиш, ци чуєш, пане господарю! Прийшли коло твої хати орати» (Колядки та щедрівки... 1965, 598). Вспашка как в обрядах, так и в песнях имела глубокое основание – это плодovitость земли, отстранение злых духов. Важную роль занимало лицо пахаря – центральная фигура с ритуальным назначением, поскольку она связывалась с ситуацией и магией начала, от которого много зависело в жизни крестьянина «Уже идут парубочки с плугами» (Весняна обрядовість... 2001, 12) «Там Іванко плугом оре» (Обрядові пісні... 2005, 31). Главным земледельческим атрибу-

том в этих текстах выступает плуг, который имеет разную семиотическую природу, ведь он выполнял утилитарную функцию (пахал землю), а также символическую. С поэтического взгляда – это традиционное орудие ассоциировалось с плодovitостью земли. Ритуальное действие – хождение с плугом на Рождество – обеспечивало будущую урожайность. Очевидно, по той причине, отметил А. Потебня, запрягали в плуг девушек, что означало плодovitость брака (Потебня 2000, 102). Традиция имитированной вспашки так же, как имитация посева – новогоднее «сеяние» – имела целью обеспечить в следующем году обильные всходы. Такие вроде бы совсем будничные, утилитарные земледельческие акты, которые в большие праздники не должны выполняться, со временем приобретали магическое значение, потом стали поэтически знаковыми маркерами. По этому поводу К. Грушевская заметила, что «даже если нет необходимости выполнять хозяйственное действие в праздник, его выполняют символично, отмечая тем самым его близость к священному» (Грушевська 2007, 240).

В календарных песнях проявляется магическая функция и в манере пения – громкой – предназначенной преимущественно для улиц и полей, ведь она непосредственно связывалась с магическим воздействием на природу. Так, максимальный диапазон звука имел апотропейные свойства: когда спеть или крикнуть, то где будет услышан голос, там град не побьет посевов. При обходе полей, отметил С. Килимник, участники обряда создавали сильный шум, гам, шум; дети звонили и звонили, музыканты играли, девушки и парни пели, что знаменовало изгнания злых сил (Килимник 1994, 390). С шумом, криком проходила карнавальная процессия «Козы» во время Рождественских праздников. Голоса предоставляли еще и продуцирующее значение. Скажем, в Болгарии на Юрьев день девушки выкрикивали: «Где нет голоса, там нет колоса». Голос как один из видов звука, входит в так называемую оппозицию «звук–молчание», что можно соотнести с оппозицией «жизнь – смерть».

Шумовые эффекты звучали во время вождения козы: цепляли звонки на шею животных; она подпрыгивала, приплясывая гремя, громко мекая. Эти звуки должны были отгонять все плохое от людей и животных, способствовать счастью и благосостоянию. Сейчас участник такого обряда воспринимает все это как зрелище, эстетиче-

ски совершенное действие. На вербальном уровне аналогично, как и в обряде, образ святого Ильи и его ритмичные удары «кнутом» ассоциировались с магическим воздействием на урожай:

*Ходить Ілля на Василя,
Носить пужку житяную.
Куди глянє – жито ростє,
Куди махнє – кучерявє* (Ігри та пісні... 1963, 186).

Магия слова в вербальных фольклорных текстах имела большой смысл. Благодаря ей (магии) можно было вымалывать здоровье для ближнего, общаться с духами, управлять стихиями. На основе этого создавались мотивы в календарно-обрядовой поэзии, которые являются кодовой системой отображения многочисленных ритуалов.

Влиятельное, внушающее было первопричиной возникновения большого количества ритуально-магических действий и поэтических текстов. Отсюда – интенсивность в календарной традиции заклинательно-пожелательных формул, в которых доминирует специфический императивный призыв-просьба с апеллированием к высшей силе. Это важная черта фольклорного мышления «как попытки уплотнить, усилить суггестивный уровень синхронизации с природой (вечным)» (Буряк 2001, 101). Здесь развитие словесного текста начинается с обращения «Дай Боже». Такие формулы-призывы достаточно распространены как в рождественско-новогодней, так и в весенне-летней поэзии: «Уроди Боже, жито-пшеницу і всяку пашницю. У полі зерно, а в домі добро» (Дитячі пісні... 1991, 186); «Зародь, Боже, всякую пашниченьку» (Ігри та пісні... 1963, 321). В фольклорных текстах с заклинательно-пожелательными формулами оказывается именно то, что соотносится с конкретным, реальным временем, и должно происходить в соответствии с обрядом, – наделение хозяев богатством, хорошим урожаем, благополучием. Повседневные нужды и заботы человеческой жизни определили идейно-тематическое содержание произведений и характер поэтических образов. Кроме косвенно выраженных пожеланий, воспевание богатства воспринимается как факт уже совершен, что целенаправленно повлияло на волю и чувства человека. Таким образом создается определенная традиционная календарная формальность, за которой произносятся тексты: а) цель пожелательно-заклинательных песен: выпросить, заказать будущий

урожай, здоровье человека, животного, семейное благополучие. Прогнозируемость, предсказуемость действий составляют формирования их поэтического содержания: 1) стабильная первая часть – дай Бог; 2) переменная – вторая: конкретизация желаемого (счастье в доме, в огороде урожай, в скором времени свадьбы) и др.; б) образная система, в которой центральное место занимает Бог: «Помаг, Біг, тому, що є в сім дому», «Дай вам, Боже», «Спусти, Божейку», «Оборонь, Боже» и др. Важное применение сказуемых, которые стоят в императиве (дай, спусти, оборони); в) способ уведомления выраженный в побудительной, форме – «да будет так». Существуют формулы, где описание благополучия в хозяйстве изображалось уже как свершившийся, в некоторых (кустовая песня) – это надежда на хороший урожай уже в скором времени: «Пресвята Тройця-Богородиця, Посію жито, да нехай зародиться; Посію жито і ярую пшениченьку, Зароди, Боже, всякую пашниченьку» (Ігри та пісні... 1963, 321).

Нашим предкам, как отметил И. Нечуй-Левицкий, «хотелось привлечь к себе милость небесных сил, чтобы было много коп на поле, роев в пасеке, много ягнят, телят, жеребят, чтобы в саду родило дерево, а во дворе плодилась птица» (Нечуй-Левицький 1992, 4). Чтобы новый (следующий год) был не менее благоприятным, чем предыдущий, люди стремились подражать определенные действия, делали все так же, как и в прошлом году. Часть регулярно повторяющихся актов теряла свое практическое значение и становилась обрядам. Ритуальные действия земледельцев, например, сначала также осуществлялись для потребности и лишь постепенно переходила необходимость повторения таких действий, поскольку формировалась вера в их чудодейственную силу. Можем с уверенностью констатировать, что в обрядовом тексте заложено рациональное (обязательность выполнения той или иной песни, действия как составляющие обряда) и суггестивное, которое вылилось в формулу: желаемое – действительное.

Итак, традиция выступает как мера и критерий действительности общества, в котором обрядовый характер жизни, регламентация всех сфер связаны с тем, чтобы общее, типичное (иначе говоря традиционное) доминировало над отдельным, единичным. Магические на первый взгляд обычные хозяйственные, утилитарные вещи, которые воспринимались как потребность, впоследствии получили глубокий

символический смысл. Поэтому все, что признано традицией как каноническое и типизированное, в дальнейшем становилось обязательным атрибутом эстетического. Фольклорный стереотип, экспликуя базовые черты традиции, соответственно приобретает значение ее кода и маркера, и реализуется в художественном восприятии традиционной народной культуры.

Литература

- Агапкина 2002 – Т. А. Агапкина. *Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл*. М.
- Байбурин 1993 – А. К. Байбурин. *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*. СПб.: Наука.
- Весняна обрядовість... 2001 – *Весняна обрядовість західного Поділля в контексті української культури*. Ч. 2. Тернопіль: Астон.
- Буряк 2001 – В. Д. Буряк. Магічно-величальна обрядовість як інформаційна система фольклорного мислення. *Поетика інформаційно художньої свідомості. Еволюція форм і методів вираження інформації (факту) у контексті інтелектуалізації творчої свідомості: монографія*. Дніпропетровськ.
- Грушевська 2007 – Катерина Грушевська. Людський колектив, як підвалина пам'яті. *Вибрані праці*. Т. 3 / упоряд. С. Мишанича. Донецьк.
- Грушевський 1993 – Михайло Грушевський. *Історія української літератури*. Т. 1. К.: Либідь.
- Дитячі пісні... 1991 – *Дитячі пісні та речитативи* / упоряд. Г. В. Довженок, К. М. Луганська. К.
- Заглада 1929 – Н. Заглада. «Коза». *Матеріали до етнології й антропології*. Т. 21–22. Ч. 1. Львів, 1929.
- Зубрицький 1900 – Михайло Зубрицький. Народний календар, народні звичаї і повірки, прив'язані до днів в тиждні і до рокових свят, записані у Мшанці Староміського повіту і по сусідніх селах. *Матеріали до української етнології*. Т. 3.
- Івановська 2012 – Олена Івановська. *Український фольклор: семантика і прагматика традиційних смислів*. Підручник. К.: ВПК «Експрес-Поліграф».
- Ігри та пісні... 1963 – *Ігри та пісні: весняно-літня поезія трудового року* / упоряд., передм. і приміт. О. І. Дея; нотний матеріал упоряд. А. І. Гуменюк. К.: Наук. думка.
- Килимник 1994 – Степан Килимник. *Український рік у народних звичаях в історичному освітленні*. Т. 4 (Літній цикл). Львів, К.: Обереги.
- Колесса 1970 – Філарет Колесса. *Ритміка українських народних пісень*. Музикознавчі праці. К.: Наук. думка.
- Колесса 1983 – Філарет Колесса. *Українська усна словесність*. Едмонтон.: Канадський інститут українських студій. Альбертський університет.
- Колядки та щедрівки... 1965 – *Колядки та щедрівки: Зимові обрядова поезія трудового року* / упоряд., передм. і приміт. О. І. Дея. К.: Наук. думка.
- Климець 1990 – Юрій Д. Климець. *Купальська обрядовість на Україні*. К.: Наук. думка.

- Курочкін 1978 – Олександр Курочкін. *Новорічні свята українців: традиції і сучасність*. К.
- Кушлик 2001 – Любомир Кушлик. Українські народні музичні інструменти в театральних формах народномузичної творчості. *Музика та дія в традиційному фольклорі*. Львів.
- Мишанич 1983 – Степан В. Мишанич. Біля джерел народної прози. *Народні оповідання* / [упоряд., приміт. С. В. Мишанича]. К.: Наук. думка.
- Наукові архівні фонди... 1987 – *Наукові архівні фонди рукописів та фонозаписів ІМФЕ ім. Рильського НАН України*. Ф. 14–3. Од. зб. 1196. 148 арк. (Куст на Ровенщині. Матеріали зібрали члени секції пам'яток фольклору та етнографії обласної організації українського товариства охорони пам'яток історії та культури / упоряд. С. Шевчук. Рівне).
- Нечуй-Левицький 1992 – Іван Нечуй-Левицький. *Світогляд українського народу*. К.: Обереги.
- Обрядові пісні... 2005 – *Обрядові пісні Слобожанщини (Сумський регіон)* / фольклорні записи та упорядкування В. В. Дубравіна. Суми.
- Петров 1948 – Віктор Петров. *Український фольклор (Заговори, голосіння, обрядовий фольклор народно-календарного циклу)*. Мюнхен: Український університет, 1948 (на правах рукопису).
- Плисецький 1957 – М. М. Плисецький. Роль памяти в фольклорном процессе. *Проблемы фольклора*. М.: Наука.
- Потебня 2000 – А. А. Потебня. О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий. *Собрание трудов. Символ и миф в народной культуре*. М.
- Путилов 1994 – Борис Н. Путилов. *Фольклор и народная культура*. СПб.
- Сосенко 1994 – Ксенофонт Сосенко. *Культурно-історична постать староукраїнських свят Різдва і Шедрого Вечора*. К.: Сінто.
- Чистов 1986 – К. В. Чистов. *Народные традиции и фольклор: очерки теории*. Ленинград: Наука.
- Шекерик-Доників 1914 – Петро Шекерик-Доників. Як відбуваються коляди у гуцулів. *Етнографічний збірник*. Т. 35. Львів, 1914.

Halyna Koval

ARTISTIC EXPRESSION OF TRADITION AS THE SOURCE OF CALENDAR AND RITUAL INFORMATION

Summary

The tradition is associated with repeatability, which is the main mechanism of folklore, that supports ethnopoetic and aesthetics. Going on such a scheme: the ritual text is perceived – remembered – again reproduced. Through tradition has formed the collective memory of the community,

expressed the aesthetic tastes, norms, concepts, ideas, moral and ethical beliefs of people. The best preserved songs of the folk tradition are tied to certain rituals and holidays, in which context it is most fully manifested their essence. Thus, calendrical rituals and accompanying songs made a strong impression on others. An important role was played by visual images – festive attire (shirts, attributes, different masks, etc.). According to its purpose such signs of culture refer to the visual (directed to the vision). Singing, music, rhythm, dance – these art signs are addressed to the ear (audio), play an equally important role and is able to share certain information. Over time, calendar rituals and ritual-magical acts changed, and became theatrical, more aesthetic, carried out mass cultural and aesthetic communication.